

Алексий, Святитель Московский

*
На круги
СВОЯ
*

Девяностые годы нашего века займут особое место в истории Русской церкви. Из праха восстановлены сотни храмов и монастырей, масштабы строительной деятельности требуют огромных затрат и энергии. Но возрождение Церкви это не только восстановление архитектурного наследия. Возрождаются и традиции, утраченные в пору запретов и насильственного атеизма. Снова в больницах рядом с врачами трудятся сестры милосердия. Снова на улицах Москвы и других городов можно увидеть торжественные крестные ходы. Снова колокольные звоны волнуют души людей, зовут их в храмы

Милосердие

Надежда Дмитриева

Пришло время, и Россия начала вспоминать людей, чья жизнь была подвигом во имя веры, добра и милосердия. Возвращаются к нам дорогие понятия – любовь к ближнему и сострадание к тем, кто обездолен судьбой. И новое служение добру приходит в нашу жизнь...

А повесть о том начнем издалека. В конце 1990 года по постановлению московских властей церкви возвратили храм при 1-й Градской больнице – во имя благоверного царевича Димитрия. Храм и больница были основаны без малого два столетия назад – на средства и по завещанию князя Александра Михайловича Голицына. Исполнителем воли благотворителя и строителем храма и больницы стал его брат Александр Михайлович Голицын. Больница предназначалась для бедных и немощных.

Ангел милосердия, великая княгиня
Елизавета Федоровна

Так и было завещано: «Чтобы привозимые в больницу всякого звания болящие принимались с таковым к бедным уважением, дабы оные во всякое время помещались были прежде, а господские и достаток имеющие люди тогда только, когда за неимением первых останутся свободные места».

Здание Голицынской больницы явилось одним из наиболее значительных творений архитектора М.Ф.Казакова. Особенно нарядным, торжественным был храм-ротонда, возвышающийся своим куполом в центральной части здания. 22 сентября 1801 года храм был освящен в присутствии императора Александра I и членов августейшей семьи. А в день тезоименитства императрицы открылась больница.

С тех пор на всем протяжении XIX века, род князей Голицыных содержал на свои средства больницу, а также богадельню при ней, особое отделение для неизлечимых больных, фельдшерскую школу, родильное отделение, родильный приют, амбулаторию.

Преемственность милосердия возрождается. 18 июля 1991 года с благословения патриарха Алексия II при храме было образовано Свято-Дмитриевское сестричество. Благословение прозвучало у гробницы царевича Димитрия в Архангельском соборе Кремля. Это был день престольного праздника больничного храма. А еще ранее, 28 мая, исполнилось четыреста лет со дня убийства святого отрока, и сестры присутствовали на поминальном богослужении. Память неизгладимая приходит из дали времен. 5 ноября 1990 года в Марфо-Мариинской обители отцом Аркадием Шатовым в присутствии тех же сестер милосердия было совершено поминовение святой подвижницы Елизаветы – великой княгини Елизаветы Федоровны, погибшей от рук изуверов в алапаевской шахте. Этот день стал днем рождения Свято-Дмитриевского училища сестер милосердия – первого в сегодняшней России православного медицинского учебного заведения. Тогда же церковь отмечала день памяти апостола Иакова, который по традиции почитается покровителем милосердия. И как-то промыслительно и дивно соединяются под

кровом Марфо-Мариинской обители заветы служения добру и состраданию с теми заветами, которые оказались ей уготованы как прибежищу забот по возрождению, восстановлению сокровищ древнерусской иконописи.

И там, и там – милосердие. И там, и там – служение православному делу.

Кто были они – былые подвижницы на полях сражений, у лазаретных коек, в сиротских приютах и домах престарелых? Они уходили туда, где было всего труднее. Это они отдавали свои состояния на организацию общин сестер милосердия, больших учреждений, фельдшерских курсов. Великая княгиня Александра Николаевна, принцесса Терезия Ольденбургская, княгиня С.С.Щербатова, Е.В.Новосильцева, урожденная Орлова, великая княгиня Елена Павловна, княгиня Н.В.Шаховская создавали первые в России общины сестер милосердия – это Свято-Троицкая, Никольская, Крестовоздвиженская, «Утоли мои печали», Покровская общины. Есть высокий смысл в том, что представительницы родовой русской аристократии, наследники древних родов брали на себя ответственность и считали это своим долгом – творить милосердие в Отечестве. Помним, как в годы первой мировой войны в Царскосельском дворце открылся госпиталь, названный именем императрицы Александры Федоровны, и она сама, и дочери ее Ольга, Татьяна, Мария и даже маленькая Анастасия ухаживали за ранеными.

Во время Крымской войны, героической обороны Севастополя женщины-дворянки из Никольской и Крестовоздвиженской общин отправились в действующую армию. По их примеру и в английских войсках появились тогда сестры милосердия во главе с Флоренс Найтингейл – ее имя стало символом международного Красного Креста. Подвижницы севастопольских лазаретов оказывали воинам не только практическую, медицинскую помощь – с ними входило в госпитальные палаты настроение приветливости, спокойствия и веры в исцеление, и со словом православной веры и милосердия становилось легче покалеченным в штыковых атаках, защитникам корниловских, нахимовских бастионов.

Их поведением восхищался Лев Толстой. Николай Иванович Пирогов писал: «Все действия сестер при уходе за больными должны быть названы не иначе, как благородными. Трудно решить, чему должно более удивляться: хладнокровию ли этих сестер, или их самоотвержению в исполнении обязанностей». В своей эпопее «Севастопольская страда» С. Н. Сергеев-Ценский описывает проводы в Крым в ноябре

1854-го одного из отрядов Крестовоздвиженской общины: «На всех сестрах были коричневые платья с белыми накрахмаленными обшлагами. Ярко-белые и тоже накрахмаленные чепчики на простых гладких прическах, белые фартуки с карманами и самое главное и самое заметное: наперсные золотые продолговатые кресты на широких голубых лентах. В этой глубоко обдуманной в Михайловском дворце униформе были и торжественность, и отрешенность от светской жизни, которую вело до этого большинство сестер, и даже, пожалуй, обреченность».

Имена этих первых подвижниц сохранены Пироговым: Е.М.Бакунина, оставившая обширные дневники своей работы у раненых, Е.П.Карцева, А.П.Стахович, Е. А.Хитрово и другие. История хранит имя Даши Севастопольской – ее изображение, изваянное в мраморе, наряду с портретами прославленных адмиралов, героев сражения, установлено в здании знаменитой панорамы. Позднее, в годы войны на Балканах, стало известно имя Юлии Вревской. Движение сестер милосердия нашло отклик во многих сердцах не только в военное, а и в мирное время. Десятки, сотни, а позднее и тысячи сестер самоотверженно и бескорыстно несли свое служение. И не случайно это движение стало связано с церковью, с храмом – как исполнение христианского долга и глубокой веры перед лицом православия.

Ныне, с созданием общины сестер при Свято-Дмитриевском храме, с возрождением движения сестер милосердия, мы вновь и вновь обращаем взор к возвышенному и прекрасному житию великой княгини Елизаветы Федоровны, подавшей пример истинной святости.

Ее нетленные мощи нашли свое упокоение у храма Марии Магдалины возле подножия горы Елеонской в Иерусалиме. На освящении этого храма она присутствовала в 1888 году. Так сбылись пророческие слова молодой, 24-летней, полной надежд женщины: «Как бы я хотела быть похороненной здесь». Великая княгиня не покинула Россию, разделив ее участь, здесь прошли ее светлые годы, здесь она любила и была горячо любима своим мужем, великим князем Сергеем Александровичем. Здесь началось ее восхождение на Голгофу страданий. И путь этот открылся перед великой мученицей в роковой день 18 февраля 1905 года, когда она своими руками собирала останки мужа, разорванного бомбой террориста.

Путь, который указала своей жизнью Елизавета Федоровна, был для России путем спасения. Но великая держава уже начала свое погружение во тьму безверия и ложных

кумиров. Кто мог понять тогда великую княгиню, простившую убийцу своего мужа: «Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят». Эти слова Спасителя стали начертаны на памятнике-кресте, поставленном на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Памятник, созданный по проекту В.М.Васнецова, был снесен сразу после революции, по ленинскому декрету, в день «коммунистического субботника», а позднее уничтожен и Чудов монастырь, где находилось захоронение великого князя. И только недавно его останки были перенесены в родовую усыпальницу Романовых в Новоспасском монастыре.

В день своего посвящения в крестовые сестры любви и милосердия, 9 апреля 1910 года, великая княгиня сказала: «Я оставляю блестящий мир, где я занимала высокое положение, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир – в мир бедных и страждущих».

По евангельскому сказанию, у праведного Лазаря было две сестры – Марфа и Мария. Они стали олицетворением двух путей служения Господу; первый, путь Марфы, – путь деятельного соучастия вере, второй, путь Марии, – путь созерцательного погружения в недра божественных тайн. Создавая свою Марфо-Мариинскую обитель, Елизавета Федоровна как бы объединила оба эти пути. Архиепископ Анастасий писал в своей брошюре, посвященной памяти Елизаветы Федоровны: «Община предназначалась быть как бы домом Лазаря, в котором часто пребывал Спаситель. Сестры обители призваны были соединить и высокий жребий Марии, вмещающей вечным глаголам жизни, и служение Марфы, поскольку они служили у себя Христа в лице Его меньших братьев...»

Все свое состояние отдала Елизавета Федоровна на создание обители. Она приобрела в тихом районе Замоскворечья, на Большой Ордынке, целый квартал домов, где оборудовала больницу, аптеку, амбулаторию, сиротский приют, убежище для престарелых. Первый храм был устроен рядом с больницей во имя святых жен Марфы и Марии и освящен 9 сентября 1909 года, второй – во имя Покрова Богородицы – воздвигнут по проекту А.В.Щусева и расписан М. В. Нестеровым, освящен в апреле 1912 года. Под Покровским храмом несколько позднее была сооружена подземная церковь-усыпальница – с росписью молодого тогда художника П.Д.Корина.

Верная принципу «начинать с себя», великая княгиня вела жизнь подвижницы. Она отказалась от всех земных благ. Все ее

дни проходили в больнице, где она выхаживала самых тяжелых больных, посещала лечебницы и ночлежки, спасая бездомных и бесприютных детей. Вместе с ней трудились сестры Марфо-Мариинской обители. Вот цифры – пусть они о себе скажут: за один только 1913 год было проведено 10 814 амбулаторных приемов, выдано 139 443 бесплатных обеда, роздана одежда для 1800 детей, бесплатно предоставлялись лекарства... Невозможно перечислить в коротких строках все то, что было совершено великой княгиней на поприще служения добру и любви.

В 1918 году Елизавета Федоровна была арестована по предписанию большевистских властей – в день, когда церковь отмечает праздник иконы Иверской Божией Матери. Перед тем патриарх Тихон посетил обитель и беседовал с настоятельницей. Это было напутствие предстоятеля Русской Православной церкви великой княгине перед ее крестным путем. Увозили Елизавету Федоровну солдаты-латыши: она осенила последним знаменем свою обитель, где находили душевное и телесное исцеление тысячи страждущих и где она сама переступила порог бессмертия.

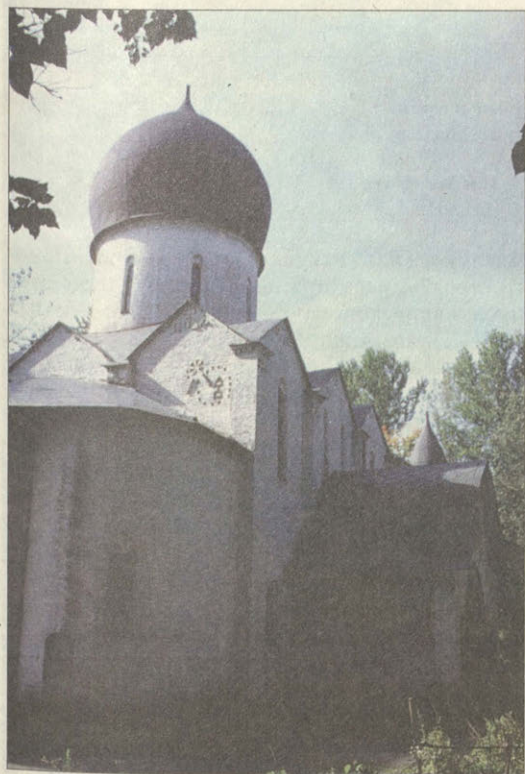
С сатанинской жестокостью расправлялись большевики со всем, что могло духовно противостоять богоборческой власти: закрывались монастыри и храмы, мученической смертью погибали священники, целенаправленно уничтожался цвет нации, способной нести в мир слова о вере и милосердии. О каком милосердии можно было говорить, когда во время безмерного голода, постигшего Россию и унесшего миллионы жителей, новые властители продавали зерно за границу. О каком уважении к вековым нравственным устоям народа вести было речь, если грабились сокровищницы церквей, монастырей, чтобы напитать золотой «пролетарский» рубль.

Горькая судьба не обошла обитель великой княгини. Но будто заговорили самые стены обители. Прав был Гоголь, утверждавший, что архитектура – та же летопись мира. Она говорит и тогда, когда уже молчат и песни, и предания и ничто уже не говорит о погибшем народе. Стены обители приняли в себя новые силы добра. На место сестер

1-я Градская больница, известная москвичам как «Голицынская»

Марфо-Мариинская община сестер милосердия на Ордынке

Памятник создательнице обители.
Скульптор В.Клыков

Фреска М.Нестерова в храме
Марфо-Мариинской обители

Росписи П.Корина в том же храме

милосердия пришли другие люди – такие же самоотверженные и такие же подвижники. Это были искусствоведы, художники, реставраторы, сотрудники Центральных государственных реставрационных мастерских, по-своему продолжившие миссию Елизаветы Федоровны.

Своим трудом, направленным на создание, восстановление, сохранение духовных ценностей, эти люди противостояли варварской стихии. В каких условиях происходило это противостояние, свидетельствуют статьи из газет того времени – к примеру, сочинение Д.Заславского «Преподобные отцы-художники» (газета «За коммунистическое просвещение», 1931, 12 апреля), в которой И. Э. Грабарь назван «келарем новой лавры». А вот выдержки из другой газеты (Безбожник. 1931, № 16) – из статьи под названием «Реставрация па-

мятников или искусная реставрация старого строя?»: несмотря на особую мерзость этой публикации-доноса приведем выдержки из него с возможной полнотой:

«Существует в Москве государственное учреждение ЦГРМ – «Центральные государственные реставрационные мастерские» – при секторе науки Наркомпроса. Пора, после всех лет замкнутого от советской общественности существования ЦГРМ, дать информацию о фактах, вскрытых во время чистки аппарата ЦГРМ и характеризующих отчетливо линию классового врага, проводившуюся в работе органа госохраны памятников старины и искусства под руководством И.Э.Грабаря и А.И.Анисимова... Причины ее рвения ясны: моменты личного благополучия (работа в государственной комиссии, широкая возможность командировок и

разъездов по территории РСФСР, производственный паек, льготы по жилищной площади и проч.) тесно сплетались и увязывались с моментами охраны памятников старины и искусства, что давало возможность работникам комиссии «спасать» себя и памятники. Объектами охраны были:

1. Особняки и коллекции владельцев, вышвырнутых волной революции за рубеж и рассчитывавших, как это видно из процессов «Промпартии» и других контрреволюционных организаций, на свое возвращение и на возвращение своего имущества, стойко и бережно охраняемого их друзьями из ЦГРМ.

2. Церкви и церковное имущество. НЭП открыл ЦГРМ возможности легальных и нелегальных приработков. Сотрудники ЦГРМ, ученые-реставраторы вроде Г.О. Чирикова, пишут образа «державной богородицы», распространяемые по действующим церквам полами как явление «чудотворной иконы». Реставрированные, очищенные от вековой сажи и пыли, иконы показываются как чудесно обновившиеся.

...Как видно из фактов, все это выполнялось под сенью покойной Главнауки, шедшей в хвосте за ловкими учеными-специалистами. Бригада РКИ по чистке аппарата на основе приведенных фактов обвиняет старое руководство в ЯВНО ВРАЖДЕБНО-КЛАССОВОЙ И СКРЫТОЙ Контрреволюционной РАБОТЕ, ПРОВОДИВШЕЙСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ. «Чистка реставраторов» еще не закончена и переносится из стен ЦГРМ на широкую общественность. Нечестная игра в госохрану, которую проводили Анисимовы, Грабари, Левенсоны и К°, должна быть пресечена так, чтобы другим и nepовадно было ее продолжать».

Письмо подписано: «По поручению рабочей бригады завода имени Лепсе Л.Лещинская, Козырев».

Многие ученые оказались репрессированы, среди них Н.Померанцев, П.Барановский, погибли в лагерях А.Анисимов и Ю.Олсуфьев. Мастерские были расформированы. Функции по реставрации и исследованию произведений искусства взяли на себя мастерские ведущих музеев России.

Но не смогло насилие над православной церковью, над верой, над дорогами России святынями бесследно стереть память великомученицы Елизаветы Федоровны. Оставался стоять Покровский храм, оставались спасенные Коринным до времени прикрытые им фрески Нестерова, ждавшие часа пробуждения. Дух святой подвижницы Елизаветы незримо присутствует в возрожденных ныне стенах храма, в продолжившейся жизни обители. Частица ее не-

тленных мошей покоится в храме, иконописный образ хранит ее лик. Вновь в Марфо-Мариинской обители – центр исцеления созданий русской иконной живописи. Художники и искусствоведы Всероссийского реставрационного центра имени И.Э.Грабаря творят чудеса милосердия во имя религиозных святынь Отечества. Жив и сад обители, и каждую весну земля покрывается фиалками – любимыми цветами Елизаветы Федоровны, которые написаны и на фреске Нестерова, изображающей беседу Христа с Марией и Марфой.

Белый цвет – цвет божественный. В белые ризы нетления облекались праведники. В белые одежды были одета сама Елизавета Федоровна и сестры ее общины. В белом мраморе предстает великая княгиня в изваянии, переданном обители скульптором Вячеславом Клыковым.

Но лучшим памятником незабвенной основательнице обители стало возрождение Марфо-Мариинского благотворительного общества и при нем, как и в былые годы, – создание общины сестер милосердия. Сестры несут патронажную службу, работают в тяжелейшем ожоговом отделении клиники имени Склифосовского. Во имя Марфы и Марии проходят богослужения в храме, а раз в неделю читается акафист в честь великомученицы Елизаветы Федоровны.

Свое служение на поприще милосердия совершает и Свято-Дмитриевская община. Благословенное дело добра и сострадания объединило здесь и самую больницу, и общину подвижниц, и созданное при ней православное медицинское училище. Как в большую реку, сливаются сотни ручейков бескорыстных дел добровольных помощников и благодетелей храма, общины, больницы. Многие верующие, и не входя в сестричество, посещают больничные палаты, оказывая помощь нуждающимся. Каждый праздник по церковному календарю сестричество отправляет сотни благодарственных писем людям, которые во имя веры и милосердия помогают другим выжить в их тяготах и недугах.

У истоков возобновленного больничного храма стоял человек праведной жизни – иеромонах Павел (Троицкий), насельник Данилова монастыря, в свое время прошедший всеми кругами сталинских лагерей. В день памяти этого подвижника веры настоятель храма о. Аркадий (Шатов) в своей проповеди на тему евангельской притчи об исцелении иерихонского слепца говорил о том, что мы часто не видим чудес и благодатей Божиих, что вера наша должна быть соединена с любовью к ближнему. Для тех, кто незряч в духовной жизни, нужен поводырь, и такими поводырями являются

Белые одежды сестер милосердия.
В белое была одета и сама Елизавета
Федоровна

люди святой веры, каким был отец Павел, подававший пример милосердия.

Непосредственное участие в жизни храма и его общины принимает патриарх Алексий II. Он – частый гость, почетный председатель попечительского совета, а совет возглавляет академик Российской академии наук, директор Института физики атмосферы Георгий Сергеевич Голицын – из рода основателей больницы и храма.

При Свято-Дмитриевском сестричестве появился сиротский приют для девочек. В приюте освящена домовая церковь. «Рождество Христово – ангел прилетел», – так пели в сочельник радостные детские голоса в первом в Москве православном девичьем приюте. Теперь это больше не брошенные дети. И вот – первая для этих стриженных угловатых девочек елка. Первые в их жизни рождественские подарки.

Святодмитриевские сестры милосердия пришли в самые трудные отделения больницы: в реанимацию, в хирургию. Помню по себе – с благодарностью называю имена замечательного хирурга, профессора Вадима Игоревича Ревякина, заведующую отделением Светлану Михайловну Назарову, помню всех этих девочек-сестер. Помню те добрые слова, которые мне там говорили – в переполненном хирургическом отделении, и на себе поняла, что лечат и слова, когда их проносят добрые люди.

Вот из дневниковых записей одной из сестер: «6 января по сложившемуся обычаю мы небольшими стайками во главе с певчими и кем-нибудь из клириков отправились поздравлять с Рождеством всю огромную 1-ю градскую больницу. С праздничными песнопениями, иконами и хоругвями мы разошлись по разным направлениям больничного городка, взяв с собой коробка с подарками для каждого обитателя лечебных палат. Вместе с о. Иоанном Емельяновым наша группа обходила все отделения травмы. Здесь лежат битые, израненные, здесь больные и брошенные старики, люди, пострадавшие по чьей-либо жестокости. Когда в коридорах зазвучали песнопения и появились священник и сестры, из палат нам навстречу стали выходить люди. Они были удивлены и растроганы. А те, кто не мог подняться, протягивали немощные руки за утешением и невнятно благодарили. Важно

было никого не пропустить, не обойти вниманием и добрым словом – ни бабушку, которая давно срослась с кроватью и не помнит, кто она и откуда, ни побитого, несчастного алкоголика. А также ни палатную сестру, ни гардеробщика, которые знают, что из больничного храма всегда приходят поздравить с Рождеством и Пасхой».

Обычно цифры – сухая материя, но представьте наглядно эти цифры. Передо мной краткий отчет о деятельности Свято-Дмитриевской общины сестер милосердия за сравнительно недолгий период. Всего лишь несколько выдержек: «В настоящее время в сестричестве 57 сестер и 10 испытуемых, из которых 33 сестры окончили Свято-Дмитриевское училище сестер милосердия, а также 100 человек постоянно работающих и добровольно помогающих из числа прихожан храма. В патронажной службе работают 20 сестер, которые обслуживают 11 постов, в том числе 4 круглосуточных, и 6 сестер осуществляют индивидуальный уход за тяжелобольными. Бесплатную врачебно-консультативную помощь оказывают 23 врача различных специальностей, в том числе 3 профессора. Миссионерской деятельностью заняты 4 клирика и 15 сестер. За два года в больнице исповедались и причастились 3 тысячи больных. Крещено около 100 человек. 26 сестер работают с детьми в приюте, 4 еженедельно посещают детский дом в Измайлове, по воскресным дням детей привозят в храм на литургию. В воскресной школе обучается 100 детей в возрасте от пяти лет...»

Поступающие в училище сестер милосердия писали экзаменационные сочинения на тему «О больном, запомнившемся мне во время работы в больнице». И что же запомнилось? «Еще мне понравилось в отделении неврологии, потому что там поручают мыть бабушек... Меня многие спрашивали, куда я иду учиться. Я говорила, что хочу поступить в училище – и тогда начинали меня жалеть и говорили, что я бедная. Я не понимаю, почему. Мне кажется, наоборот, радостно работать в больнице, видеть, что человек чуть не умирает, а потом вдруг выздоравливает. Особенно радостно, когда причиной его выздоровления отчасти становишься ты...»

Вот – живой памятник великой княгине.